

18+

ЕЛЕНА ЧАЛИЕВА

ПОЭЗИЯ ВО МНЕ...

СБОРНИК СТИХОВ

Елена Чалиева

Поэзия во мне... книга стихов

«Издательские решения»

Чалиева Е.

Поэзия во мне... книга стихов / Е. Чалиева — «Издательские решения»,

Перед вами вторая книга поэтессы из Нижнего Новгорода Елены Чалиевой, в которую вошли её избранные стихи разных лет и одна прозаическая миниатюра. Стихи разнообразны по тематике и поэтической форме, в основном в жанре интимной лирики, сдобренные большой долей самоиронии, шуточные стихи и стихи для детей. Прозаическая миниатюра рассказывает о кошке Маше, которая смотрит на вас с обложки этой книги, прижатая автором к груди в качестве бесценного дара судьбы.

© Чалиева Е.

© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Доставать из комода забитого...	7
Забывать не положено...	8
В одно и то же время	9
Достройка	10
Недобрые музы поэтов	12
Когда ты ушёл...	13
С голодухи	14
Под покровом лип	15
Алия 90-х	16
Новая сказка о рыбаке и рыбке	17
Парадокс любви	18
Ледяной дождь	19
Старый город	20
Дом напротив	21
Время слёз	22
На Белой даче	23
Летнее нижегородское	24
Сюр-приз в молоке	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Поэзия во мне...

книга стихов

Елена Чалиева

Фотограф Алина Максимова

© Елена Чалиева, 2026

© Алина Максимова, фотографии, 2026

ISBN 978-5-0070-9342-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Дорогие читатели!

Название этой книги родилось из последней строки одного моего старого стихотворения:

С утра верчу слова я,
их ставлю так и так,
про завтрак забывая,
что в комнате бардак.

На солнце днём сверкая,
а ночью — при луне,
смотри, ещё живая
Поэзия во мне...

В этой книге собраны мои стихи разных лет и разной тематики. Я знаю, что все они живые и отражают мои мысли, чувства, моё отношение к тому, о чём пишу, хотя искать в моей биографии их основу всё же не стоит: я люблю вживаться в разные образы. Могу, например, запросто вжиться в образ какого-нибудь животного или даже неодушевлённого предмета и написать стихотворение от его имени. Так, шуточное стихотворение «Притворщица» написано от лица моей любимицы — кошки Маси, которая позирует со мной на обложке этой книги, а «Достройка» — монолог дома, который обрёл заботливых хозяев и стал счастливым.

Думаю, что вы поняли, что я пишу не только о себе. И в то же время все мои стихи — обо мне. А говоря о себе, я говорю и о вас, дорогие читатели. Во всяком случае, надеюсь на это. Много из того, что я написала, можно встретить на моих страницах «ВКонтакте» и на сайте «Стихи.ру». На «Стихи.ру» я также возглавляю редакцию «Сетевого Клуба Поэтов», где мы проводим много интересных и полезных для авторов поэтических конкурсов. Самой большой популярностью пользуются Чемпионаты «Стихирские звёзды». Эти конкурсы ещё называют «гамбургским счётом Стихиры», так как они проходят в полностью анонимном формате. Я и сама с удовольствием участвую в конкурсах «СКП», как в анонимных, так и в открытых, где имена участников известны. При открытом формате я часто выступала под поэтическим псевдонимом — Лёля Строптивая. Это делалось для большей объективности оценок, чтобы не давить на голосующих экспертов и участников своим авторитетом главного редактора конкурсной площадки. Специально придумала такой дурацкий псевдоним, чтобы сбить всех с толку и остаться неузнанной. В этой книге я впервые снимаю маску и представляю стихи, опубликованные от имени Лёли. Я объединила их в раздел «Из дневника Красной Босоножки».

Кроме стихов я пишу прозаические миниатюры. Одну из них, опять же о моей любимой кошке, я разместила здесь. Планирую опубликовать отдельным сборником рассказы о моих домашних питомцах. Некоторые рассказы уже можно найти на просторах интернета.

Приятного прочтения!

Елена Чалиева

Доставать из комода забитого... Посвящается моим рано ушедшим родителям

Доставать из комода, забитого
всяким скарбом, шкатулку заветную,
фотографии полузабытые
оцифровывать, гладить, исследовать,
сожалением поздним пропитывать
память сердца и пить покаяние,
чтоб в душе обновлённой испытывать
дар сияния вместо зияния.

Забывать не положено...

Воспрещает нам время-борей
на нетленную память надеяться —
сколько лиц и богов, и царей
занесла вековая метелица.

Только в мае тому вопреки
соберутся опять несогласные,
и пойдут по России полки,
над которыми время не властвует.

Да пребудет бессмертная рать!
Длится память полоской нескошенной...
Нам героев нельзя забывать —
нам о них забывать не положено.

Я спою им во славу, спою,
эту песню подхватят достойные —
чтобы вечно в небесном строю
шаг чеканили павшие воины.

В одно и то же время

В снегу вечерний парк. Уснувшие деревья.
Их будит мой Виконт и тянет поводок.
Прогулка со щенком в одно и то же время —
из дома убежать приемлемый предлог.

Белёсый лунный глаз, небесный надзиратель,
фиксирует опять с холодной высоты:
сжимаю телефон и номер набираю,
и говорю: «Привет!», и отвечаешь ты.

Я каждый новый день в долгу у телефона —
он не даёт забыть любимый голос твой.
Лишь старая сосна, суровая матрона,
качает головой, качает головой.

Сейчас ты далеко, встречаемся всё реже —
колдобины судьбы, крутые виражи.
Но голос твой звучит симфонией надежды,
и можно дальше ждать, и можно дальше жить.

Достройка

Я несколько лет одиноко стоял,
хоть с виду кирпичный и крепкий —
строители сгинули, бросив меня,
остались окурки да кепка.

Пытались продать, но никто не берёт —
кто взять недостройку решится?
Напрасно ходил на осмотры народ,
висела растяжка-тряпица.

Жилец поселился — нахальный паук,
развесил свои занавески.
От холода, ветра немислимых мук
я начал трещать не по-детски.

Разбили окно, обветшала стена,
и в думках маячила свалка...
Но тут на пороге возникла Она
и громко и чётко сказала:

«Чудесный какой, удивительный дом!
Всю жизнь о таком и мечтала».
Добавила тихо: «Конечно, берём,
хоть будет работы немало».

И чудо свершилось, и сделан ремонт,
в саду обживаются туи.
И я потерплю, если царственный кот
мне на пол однажды надует.

Паук убежал — по углам чистота,
его мне не жалко нисколько.
Пусть веником любят меня щекотать,
теперь я — счастливый Достройка.

Для нас, для домов, невозможного нет —
по нашей кирпичной планиде
мы будем служить вам, спасая от бед.

Вы, главное, нас берегите.

Недобрые музы поэтов

Музы не бывают добрыми:
чем злее — тем эффективнее.
Бывают — ядовитыми кобрами,
королевами среди рептилий.

Отравить любовью? Пожалуйста —
сердце пронзят каблучками,
и тех, кто вздумает жаловаться,
зовут неблагодарными мудаками.

А что поэтам отмерено
за мучения? Какова компенсация?
Да какая-то малость — бессмертие,
ещё почести, слава, оvationи.

Когда ты ушёл...

*А вдруг ты простишь, и все будет как прежде,
А вдруг ты еще меня любишь?... а вдруг?...
Игорь Царёв «Ссора»*

На улице дождь — тихий драммер по крышам
стучит и стучит свой заученный ритм,
а в комнате тихо и будто бы слышно,
что стонет в горшке увядающий мирт.

...Когда ты ушёл, я с крыльца не сбежала,
перчатки не путала, дверь заперла,
вот только лишь воздуха сделалось мало,
и патина съела мои зеркала.

Когда ты ушёл, даже верное кресло
притихло, как лошадь, что ждёт седока,
и краска с осенних рассветов облезла,
и стройная липа согнулась слегка.

Работа забыта — над миром витая,
с листвой опадаю, в тумане живу.
И только стихов белокрылая стая
пока ещё держит меня на плаву.

Опять предлагают путёвку в Минводы,
а можно к подруге поехать на юг...
Но вдруг ты вернёшься, устав от свободы?
А вдруг ты меня ещё любишь?... А вдруг?...

С голодухи

*Но только у тебя
во мне рождался зверь
И только у тебя он пил с ладони воду.
Павел Сабинский «Зверь»*

С голодухи (пародия)

Не обращалась ты
ко мне не «бос», не «сир».
Я понимал — тебе совсем меня не жалко:
«Свари хотя бы щи!» —
я так тебя просил,
а ты опять несла в ладонях минералку.

Вот если бы вискарь,
то я б не спутал дверь
и даже дотянул однажды до восхода,
но с голодухи вдруг
во мне проснулся зверь
доселе никому неведомой породы.

И я забыл себя —
так стало тошно мне —
не светят нам с тобой божественные кущи.
Я завтра запишусь
на курсы макраме
и парок научу вязать узлы получше.

Под покровом лип

Опустел наш осенний парк.
Приоткрытой калитки скрип.
Я приду, словно Жанна д'Арк,
ты дождись под покровом лип.

Снова брошусь в костёр любви,
чтобы душу спасать дотла.
Мне не жаль, хоть в клочки порви —
слишком долго тебя ждала.

Алия 90-х

Они торопились, пока не закрыли
лазейку в стене, выпускают пока.
С недрогнувшим сердцем сдавали в ОВИРе
ненужные больше свои паспорта.

Дарили знакомым любимые книги
(Зачем там на русском? И стоят гроши.),
учили иврит, закупаали вериги —
«Зениты», будильники, карандаши.

Везли, чтоб продать и суметь перебиться —
потом станет легче, сытней и теплей.
Но как увезти все объятья и лица
друзей, однокашников, учителей?

Легко на словах, да не просто на деле
менять свой насест на чужой парадиз...
Они уезжали, надеясь, надеясь
на долгую мирную жизнь впереди.

Новая сказка о рыбаке и рыбке

Жил старик со своею старухой
У самого синего моря;
Они жили в ветхой землянке,
Да к тому же разбилось корыто,
Что для стирки и рубки капусты.

Вот старика старуха посылает:
«Ступай к морю, забрось что ли невод.
Коль поймашь золотую рыбку,
Попроси у неё корыто —
Наше-то совсем расколосось».
Ласково старик ей отвечает:
«Что ты, баба, белены объелась?
Али Пушкина ты сказку не читала?
Не буду ловить я рыбку —
Сама приплывёт в сети
И подарит всё, что пожелаю».

Взял старик свои старые гусли,
Отправился к синему морю.
Стал он петь прекрасные песни
О природе, любви и счастье.
И к нему приплыла рыбка,
Не простая рыбка — золотая.
И за песни ему подарила
Избу с машинкой стиральной
(Не ходить же в грязной одежде,
А в землянке легко простудиться),
В ведро к старику занырнула,
Чтобы вместе быть постоянно,
Чтобы слушать прекрасные песни
О природе, любви и счастье...

Приготовила дома старуха
На обед заливную рыбу.
Старик похвалил, отведав,
Но сказал: «Не хватает хрена».
Покряхтел и отправился к морю,
Прихватив заветные гусли —
Есть ещё золотые рыбки,
А дворец никому не лишней.

Парадокс любви

Он — господин, она — его раба,
зависима, бесправна, обещана —
такая незавидная судьба
ждёт слишком сильно любящую женщину.

Но если у неё угаснет страсть,
впадает он в раздумья и сомнения,
гадает, кто посмел любовь украсть
(Потеря поважней приобретения).

Им управлять теперь, что воск месить —
легко раба становится высочеством.
Ей можно всё — казнить и воскресить...
Вот только делать ничего не хочется.

Ледяной дождь

На город сумрачный льётся дождь.
Застывает сразу.
Пойти на улицу не рискнёшь —
запрещает разум.

Дома, машины и провода
покрывает корка.
Хрустально вышита. Но беда —
невозможно скользко.

Твоё молчание — тот же дождь.
Ледяной. Для сердца.
Уже отчаялась. Что ты ждёшь?
Помоги согреться.

Старый город

Старый город сейчас некрасив и невесел.
Нудный дождик стучит в бубен окон и крыш.
Неизменное время простуд и депрессий —
ты замкнулся в себе и упорно молчишь.

Согреваясь глотком вискаря из бокала,
старых фото колоду привычно раскинь,
отпечатков судьбы молодого нахала,
бесшабашных друзей и забытых богинь.

У берёз за окном ветви голо повисли.
Дождь выводит на стёклах мудрёный курсив.
Я тебя обнимаю в намоленных мыслях.
Старый город всегда без тебя некрасив.

Дом напротив

Я живу на Печёрской улице,
дом напротив — старинный, каменный.
Декабрист, офицер и умница,
проживал здесь поручик Анненков.

Вечерами как будто слышится
скрип колёс экипажа зыбкого,
и хозяин, гляжу, спешит с крыльца —
к губернатору, может, вызвали.

А спина, как струна натянута:
хоть Сибирь не забыть, не вычеркнуть,
не сломили суды да тяготы
офицерскую статью и исправку.

Только биться с царями стоит ли,
воспылав о свободе мыслями?
Не напрасно костями и столами
по этапу дорога выслана?

Проведя сквозь восторг и грозный вой,
жизнь рассудит — где вздор, где истина,
и отметит дощечкой бронзовой.
Не царёвой — людской амнистией.

Время слёз

Время слёз и прерванных мечтаний,
время откровений и потерь.
Сквозь личину лезет, причитая,
в человеческой маске дикий зверь.

Наша жизнь уже не будет прежней,
но, скрипя, как старый тарантас,
если насмерть не придавит прежде,
как-нибудь да вывезет всех нас.

На Белой даче

Снова выпала удача
в Ялте побывать.
Значит к Чехову на дачу
я пришла опять.

Людно в доме. Скарб, картины,
печка, стол, буфет...
Самовара блеск старинный...
Лишь его здесь нет.

В парке — кедры. Уж не вы ли,
лапами шурша,
даровали миру вырей,
где его душа?

Под ногами шепчет гравий —
мой экскурсовод:
видно, к той скамейке старой
подойти зовёт,

где сидели, было дело,
лучшие друзья...
И глядит осиротело
тощая скамья.

Я стою несмелой гостьей,
мысли невпопад.
А к плечу склонился гроздью
чёрный виноград...

Летнее нижегородское Посвящается нижегородскому Арбату

Лето. Выходной. Встаю с постели,
надеваю классные кроссовки,
капри, топ и ветреной газелью
я гуляю по Покровке.

Здесь всегда народ и много шума.
(А к чему мне тихие задворки?)
Оглядев товары шоу-рума,
я гуляю по Покровке.

Хорошо в кафе у Драмтеатра
сделать небольшую остановку:
флирт под кофе, впрочем, без азарта —
я гуляю по Покровке.

Пусть нас напрягает что-то вечно,
и по жизни ходим, как по бровке,
но пока свободна и беспечна,
я гуляю по Покровке.

Сюр-приз в молоке

В Африке, в саванне,
зебра, разомлев,
как в душистой ванне,
моется в траве.

Хоть пуглива очень
(с нею нелегко),
но, кому захочет,
дарит молоко.

Розового цвета,
вкусное — ещё
в нём живым секретом
доброта течёт.

Подлечу я нервы,
денег подкоплю,
зебровую ферму
в Африке куплю.

Там терпенье нужно:
хлопотно порой
всем дарить по кружке

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.